

КОНФЕРЕНЦИЯ

М. Гардзанити (Флоренция)

ОСНОВАНИЕ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ МОНАШЕСКОГО И ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА РУСИ

Гора, пустыня и град

Монашеские общины сложились довольно рано в эпоху Киевской Руси: начиная уже с X в. отмечается появление многочисленных монастырей, основателями которых обычно выступали князья и бояре. Мне же хотелось бы остановиться на истории основания Киево-Печерской лавры,

обязанной своим появлением монахам-отшельникам. История создания Лавры описана достаточно пространно в письменных памятниках, относящихся к середине XI — началу XIII в. В этих повествованиях освещается то, как формировалась на Руси сама идея священного пространства посредством закладки монастыря и принадлежащей ему церкви. Результаты исторических изысканий свидетельствуют о том, что около 1060 г. на высоком берегу Днепра в пещерах отшельников были возведены первая деревянная церковь и деревянный же забор, окружавший небольшой монастырь. И лишь немногим позднее, 15 августа 1073 г., был заложен первый камень в основание церкви во имя Успения Богоматери. Работы по строительству церкви были завершены 11 июля 1076 г.¹ Само событие толкуется различным образом в письменных источниках.

По свидетельству рассказа из Повести временных лет, одним из первых обосновался в пещерах на Киевских холмах, возвышавшихся над рекой, некий мирянин, постригшийся в монахи на Афоне и нареченный именем Антоний. Его духовный наставник доверил ему задачу основать на Руси монашеское братство, следуя афонской традиции: «Иди снова на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя многие станут чернецами»². Не касаясь вопроса об исторической подлинности описанного события³, остановлюсь на том, что в Повести указывается на прямую связь между «Святой Горой» Колхиды и Киевскими холмами, на которых уже поселились отшельники. К этому первому периоду относится также строительство небольшой деревянной церкви. Связь с Афонской горой знаменует период отшельничества.

¹ Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1999. С. 79; [Рорре С. 57].

² Повесть временных лет. С. 206.

³ Реальность данного события была поставлена под сомнение Томсоном [Thomson, p. 637–678].

Однако подлинным основателем монашеского братства стал ученик Антония, Феодосий († 1074), второй игумен монастыря, который ввел в богослужение Типикон патриарха Алексия Студита, созданный в период между 1034 и 1043 г. для нового константинопольского Успенского монастыря⁴. Обращение к Житию Феодосия Печерского, написанному Нестором, говорит о том, что выбор места для строительства монастыря и новой каменной церкви осуществил именно Феодосий. В Житии отмечается, что община нуждалась в новом пространстве, ибо численность ее членов возросла. Тогда «великий Феодосий обрѣтъ мѣсто чисто...»⁵. Следовательно, происхождение принятого устава связано с городским монастырем, построенным в Константинополе, чья церковь была наречена Успенской в честь одного из основных праздников литургического календаря, обладающего особым богословским значением⁶.

Среди многочисленных чудес, описанных в Житии, которые часто приходятся именно на дни празднования Успения, особо выделяется чудо о парении церкви в воздухе, благодаря которому община оказывается недоступной для нападавших разбойников. Повествует об этом один из княжеских бояр, который увидел, как церковь «в облаке» опустилась на землю. Монашеское пространство, хотя и не приравняемое к скиту на горе, сохраняет свое предназначение соединять землю с небом в своем движении по вертикали.

Еще большей значимости исполнен рассказ верующего о том, как чудодейственным образом было указано место, на котором должна была быть воздвигнута церковь. По его словам, он, оказавшись на пригорке, увидел свет, который освещал святого Феодосия в момент молитвы перед церковью, и «пламень великъ зѣло от вѣрха църквьнааго ишѣтъ и, акы комара сътворивъся, прѣиде на другый хѣлъмъ, и ту тѣмь коньцьмъ ста, идеже блаженный отъць нашъ Феодосий църквь назнамена, начать зъдати послѣже»⁷. Нестор дает истолкование эпизоду, обращаясь к словам Иакова, произнесенным после видения во сне небесной лестницы (Быт 28: 10–17), при этом он добавляет, что это же чудо рассказано в Житии Саввы Освященного в связи с созданием большого монастыря в Палестине [Творогов]. В Древней Руси той эпохи данный эпизод рассказан также игуменом Даниилом, посетившим Святую Землю в период между 1106 и 1108 г. Здесь он приурочен к описанию посещения игуменом Лавры Саввы Освященного⁸. Описание вплетено в сложный маршрут паломника по монастырям палестинской пустыни [Гардзанити].

Таким образом, к связям с Афоном и со студийскими монастырями в Константинополе добавляется еще одна, духовная связь с палестинским монашеством и Святой Землей, в которую некогда молодой Феодосий безрезультатно стремился попасть⁹. А с образом горы, возникающим уже в связи с Лестницей Иакова, ассоциируется образ пустыни и избранного Богом народа, ведомого огненным столпом. Следует подчеркнуть, что образ Лестницы Иакова наводит на мысль не только о ветхозаветном сюжете, но и, в целом, о духе монашеского аскетизма, выраженном в «Лестнице Иоанна Синайского»¹⁰.

Как свидетельствует Житие Феодосия, увидеть воочию место основания новой монашеской церкви довелось и другим людям, которые стали очевидцами того, как ночью вышли из старой

⁴ О распространении Студитского Типикона в Древней Руси и издание славянского текста см.: [Пентковский].

⁵ БЛДР. СПб., 1997. Т. I: XI–XII века. С. 378.

⁶ Успение Богородицы, как показывает его образ на фресках на абсидах церквей и на иконах, принимает яркое экклезиологическое значение, укоренившееся в Константинополе в контексте городской литургической традиции. Чудное собрание апостолов вокруг Богородицы становится образом церкви. Еще в XVII в. в Киеве почитали икону Успение, возможно, XI в. константинопольского происхождения [Смирнова, с. 415–439].

⁷ БЛДР. Т. I. С. 378.

⁸ Вневитинов М. А. Житие и хождение Даниила Русьския земли игумена 1106–1108 гг. // Православный Палестинский сборник. 1883. Т. III. Вып. 1. Ч. 3. С. I–XXII; 1885. Т. IX. Вып. 3. Ч. 3. С. 54.

⁹ В юности Феодосий, как рассказывается в его Житии, был вынужден из-за матери отказаться от паломничества в Святую землю.

¹⁰ О распространении «Лестницы Иоанна Синайского» в Древней Руси см.: [Прохоров, с. 9–17].

церкви монахи, шествие которых возглавлял сам Феодосий, несущий икону Богоматери. Они направлялись к месту, в котором должна была быть возведена новая церковь. На земле, переданной в дар князем, Феодосий начал «църквѣ же велику каменемъ възградити въ имя святыя Богородицы и приснодѣвныя Марія», но завершено строительство было уже после кончины святого¹¹. Следовательно, монастырь выступает как град, защищенный Богом и расположенный в месте промеж неба и земли, огражденный молитвой святого, словно крепкой стеной: «и тою огражая и яко градѣмъ твѣрьдѣмъ стрѣгѣмъ»¹². Процессия с иконой Богоматери очерчивает границы и освящает пространство этого града.

В то же время за пределами града совершаются благодеяния по отношению к страждущим: Феодосий велит построить приют для бедных, слепых, хромых и немощных, а в нем возвести церковь во имя святого Стефана¹³.

Монастырь и город

Наши рассуждения, однако, были бы лишены полноты, если бы мы оставили без внимания «Слово о создании церкви Богородичина Печерскаа», написанное в начале XIII в. епископом Владимирским Симоном, которое выступает своеобразным зачином к Киево-Печерскому патерику.

В рассказе о возведении церкви перемежаются библейские и апокрифические мотивы, но основная роль отводится деяниям Божией Матери, память о которых хранит константинопольская церковь во Влахерне — именно здесь находится ее одеяние, привезенное из Успенской церкви в Иерусалиме. По свидетельству Патерика, заложение церкви связано со злоключениями варяга Шимона, исповедовавшего латинскую веру и преданного Божией Матери. Видение церкви было Шимону не одно и неизменно в ситуациях, грозивших ему смертью: в первый раз во время плавания по Балтийскому морю, затем уже на Руси, на поле битвы с половцами. От варяга Шимона, обратившегося из латинской веры в православную, игумен Феодосий получает крест с венцом, а также золотой пояс Христа, который должен был стать мерилем и основанием новой церкви, которую надлежало возвести в Печерском монастыре.

Из Киева события переносятся в Константинополь (Царьград). Здесь, во Влахерне, сама Божия Матерь призывает греческих мастеров для строительства церкви. Им она доверяет свой образ, а также мощи мучеников (напомним, что это важнейшие элементы для посвящения церкви). Позднее она призывает художников и открывает им намерение явиться лично: «Прииду же и сама видѣтъ църкве и в ней хоцю жити»¹⁴. 14 августа 1089 г. епископы Руси, собравшиеся чудесным образом, наконец-то осветили церковь. В тот же день, но тремя годами позже состоялся торжественный перенос мощей Феодосия в Успенскую церковь Печерского монастыря в Киеве¹⁵. Мощи его играли важнейшую роль, так как уже при жизни он прославился как святой. Церковь монастыря становится настоящим святилищем, подтверждая священность монастырского пространства.

Таким образом, в этой Повести дается новое толкование созданию церкви в монастыре: Успенская церковь, находящаяся в обители за городскими стенами Киева, посредством увязывания с традицией церкви во Влахерне в Константинополе вступает в еще более тесную связь с городским культом Божией Матери, в чью функцию входили защита и покровительство. Наверное, все это связано с развитием более тесных отношений между Киево-Печерской лаврой, городом Киевом и княжеским двором.

---

¹¹ БЛДР. Т. I. С. 378.

¹² Там же. С. 418.

¹³ Там же. С. 406.

¹⁴ Древнерусские патерики. М., 1999. С.12.

¹⁵ Повесть временных лет. С. 89–91.

Монашество в городском пространстве

Культ Богородицы в Печерском монастыре в Киеве помогает истолковать то, что происходило на Руси в ту эпоху. В 70-е и 80-е годы XI в. новые епископы Ростова, Турова и Владимира Волынского, бывшие монахи Печерского монастыря, велели возвести для новых епархий кафедральные соборы во славу Успения Божией Матери [Porre, p. 189–201]¹⁶.

Эта традиция получила в дальнейшем распространение по всей Руси. В начале XII в., благодаря Владимиру Мономаху, были построены церкви, посвященные Успению, в Смоленске и Суздале. Во второй половине XII в., когда князь Андрей Боголюбский († 1174) велел построить Успенский собор во Владимире, эта традиция укрепилась в северно-восточной части Руси, сплетаясь при этом в единое целое с традицией собора Святой Софии в Киеве. Ипатьевская летопись, со ссылкой на 1175 г., сообразно изложению Слова о Владимире, проводит параллель между князем Андреем и царем Соломоном в связи с возведением церкви Рождества Божией Матери и церкви Успения. Об этом упоминается в той части повествования, где говорится об укреплении города посредством обустройства града Боголюбово, который соответствовал киевскому Вышгороду, и о строительстве врат из золота и серебра¹⁷. Все это свидетельствует о том, что князь Андрей намеревался придать Владимиру статус «второго Киева» [Philipp, p. 383].

Подтверждением этому является также и перенос (*translatio*) (1155 г.) из Константинополя иконы с ликом Божией Матери из женского монастыря киевского Вышгорода, из церкви Успения, известной в те времена как «Икона Владимирской Божией Матери». В дальнейшем эта икона стала предметом особого поклонения, ибо спасла город Москву от нашествия Тамерлана (1395 г.) [Щенникова, с. 249–250]. Перенос икон, равно как и перенос мощей, являет собой глубинный знак учреждения священного пространства в *Slavia Orthodoxa* [Garzaniti].

Утверждая монашескую традицию в городском пространстве, Успенская церковь занимает, таким образом, главенствующее положение в христианском культе, в частности, в поклонении Божией Матери на Руси. Этот процесс приводит к кризису киевской модели Святой Софии. Данный переход отличается медлительностью своего течения, и в какой-то мере можно увидеть его начало по отношению к самому городу Киеву.

В престольном граде Руси храм, посвященный Божией Матери, изначально отличался особым статусом, ведь именно на него, следуя константинопольской модели, возлагалось упование на защиту города. Первоначально это была Десятинная церковь во имя Божией Матери, но, вероятно, после объединения Руси в эпоху Ярослава храм стал погребальной часовней правящей династии Рюриковичей¹⁸. Именно в ту пору, в эпоху правления Ярослава, была построена новая церковь, по образу и подобию константинопольскому. На самом деле над Златыми вратами Константинополя, построенными по образу Иерусалимских, стояла церковь во славу Божией Матери, которая своим наименованием — Церковь Иерусалимская — непосредственно указывала на архетип во святом городе. Подобным же образом в Киеве великий князь решил возвести церковь, посвятив ее Богоматери: она располагалась над Златыми вратами новой городской стены, и храму этому была вверена защита города¹⁹. Так Иларион провозглашает в своем Слове

¹⁶ О детальной дискуссии по поводу церковной организации с предложением новых датировок см.: [Назаренко, с. 172–206].

¹⁷ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. С. 580–582.

¹⁸ Князь и супруга его, пурпуноносная Анна, были погребены в двух саркофагах по сложившемуся обряду в византийских усыпальницах предположительно в 1037 г., во время нового освящения церкви митрополитом Феолептом. Согласно высказанному недавно предположению, захоронение князей в церквях, построенных по их же заказу, стала начиная с XI в. общепринятым обычаем, что, в свою очередь, свидетельствует об интеграции Руси в византийское пространство [Argignon, p. 1–11].

¹⁹ В своем исследовании В. Филипп (W. Philipp) подчеркивает прежде всего наличие иерусалимского архетипа [Philipp, p. 378].

о законе и благодати, указывая на строительство этой церкви князем Ярославом: «Прѣдаль люди твоа и градъ святѣи, всеславнии скорѣи на помощь христіаномъ святѣи Богородици, еи же и церковь на Великихъ вратѣхъ създа въ имя первааго Господьскааго праздника святааго Благовѣщеніа, да еже цѣлованіе архангель дасть Дѣвицы, будетъ и граду сему. Къ оной бо: “Радуися, обрадованная! Господь с тобою”, къ граду же: “Радуися, благовѣрнии граде! Господь с тобою”»²⁰. Не следует забывать, что в литургии часто звучит обращение к Божией Матери: «неразрушимая стена царства».

В новых городах церковь Успения уже однозначно понимается как центральная в деле защиты города в соответствии с константинопольской моделью, но при этом речь уже идет не о Благовещенской Церкви в византийской столице, а о церкви во Влахерне, в которой хранилось одеяние Богородицы из Успенской церкви Иерусалима и которая находилась поблизости от внешней городской стены, вдали от городского центра и собора Святой Софии. Интересно отметить, что в расположенном поблизости дворце, известном под названием Дворец Влахерне, обосновал свою резиденцию византийский двор начиная с эпохи правления Алексия I Комнина (1081–1118 г.), а это были именно те годы, когда на Руси началось возведение городских соборов во имя Успения Божией Матери. Успенская церковь, таким образом, выступает связующим звеном между Константинополем и Русью в свете идеи городского пространства²¹.

* * *

Размышления об истоках основания Печерского монастыря в Киеве приобретают ключевое значение для понимания исторических процессов, относящиеся к созиданию как монашеского пространства, так и городского в эпоху Древней Руси. Если в самом начале доминирует отсылка к горе Афон и палестинской пустыне, то позднее наблюдается триумф константинопольской модели города и основополагающая роль культа Богородицы как защитницы города.

Литература

Гардзанини М. У истоков паломнической литературы древней Руси: «Хождение» игумена Даниила в Святую землю // «Хождение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII века / Под ред. Г. М. Прохорова. СПб., 2007. С. 270–338.

Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля. Материалы исследования / Под ред. Е. С. Смирнова. М., 1985. С. 17–23.

Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования. М., 2009. С. 172–206.

Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

Прохоров Г. М. Лествица Иоанна Синайского // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Вторая половина XIV в. – XVI в. Ч. 1. С. 9–17.

Смирнова Э. С. Киевско-Печерское Успение: Икона-реликварий XI в. в свете письменных и изобразительных источников // Восточнохристианские реликвии / Под ред. А. М. Лидова. М., 2003. С. 415–439.

Творогов О. В. Житие Саввы Освященного // СККДР. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 174–175.

Щенникова Л. А. Икона «Богоматерь Владимирская» // Христианские реликвии в Московском Кремле / Под ред. А. М. Лидова. М., 2000. С. 249–250.

Arrignon J.-P. L'inhumation des princes et des saints de la Rus' de Kiev // Le sacré et son inscription dans l'espace à Byzance et en Occident. Études comparées / M. Kaplan. Paris, 2001. P. 1–11.

Garzaniti M. Insedimenti monastici nel mondo bizantino-slavo // Le valli dei monaci. Atti del Convegno internazionale di studio (Roma-Subiaco, 17–19 maggio 2010) / M. Garzaniti, A. Filipović / L. Ermini Pani. Spoleto, 2012. P. 115–147.

---

²⁰ БЛДР. Т. I. С. 50.

²¹ Ссылаясь именно на Слово о создании Успенской церкви Печерского монастыря, являющееся предметом нашего анализа, Д. С. Лихачев освещает символическое значение защиты города, которые приобрели на Руси церкви во славу Успения Божией Матери [Лихачев, с. 17–23].

- Philipp W.* Die religiöse Begründung der altrussischen Hauptstadt // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956 / M. Woltner, H. Bräuer. Wiesbaden, 1956. P. 375–387.
- Poppe A.* L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe–XIIe siècles. *Byzantion*, 1979. T. XL. P. 189–201.
- Poppe A.* The building of the Church of St. Sophia in Kiev // *Journal of Medieval History*. 1981. P. 15–66.
- Thomson F. J.* Saint Anthony of Kiev – the Facts and the Fiction. The Legend of the Blessing of Athos upon Early Russian Monasticism // *Byzantinoslavica*. 1995. T. XLVI. F. 3. P. 637–678.